

Глава 24. Не боюсь я зла.

Мастер Дароу появился на завтраке. В своей обычной белой хламиде без каких-либо украшений, с горящими фанатичным огнем глазами, он произвел на детей определенное впечатление. Которое, впрочем, сильно смазалось, когда он, после представления присутствующим, разразился речью.

— Нда, — прошептал я в слегка привядшее ушко Миа. — Философский трактат «О пользе добра» он явно не только внимательно читал, но и тщательно конспектировал!

Девочка прыснула, и ее слегка остекленевший взгляд пришел в норму.

— ... и, сомкнув стройные ряды, мы сумеем вместе одолеть Зло и поднимающую голову Тьму!

Дароу закончил речь и гордо оглядел зал. Я поднял руку, показывая, что хочу задать вопрос.

— Мистер Поттер? — улыбнулся в бороду Дамблдор.

— Я хотел бы узнать: что есть «Зло», которое мы будем доблестно и пафосно преодолевать?

— Демоны, чудовища и твари Тьмы и Хаоса грозят нашему миру! — пафосно вознес руки к зачарованному потолку мастер Дароу. — Они мечтают уничтожить человечество в целом, и каждого из людей в отдельности!

— Демоны? — заинтересовался я, вспоминая Сигматус*, который только волей благого бога, Изменяющего пути, был защищен от бесчеловечного натиска Имперiums, о К'Сале «который для невооруженного глаза ничем не отличается от самых развитых и счастливых имперских планет»* и о многих других мирах под сенью Древнего Врага... — Но тут мы поневоле попадаем в ловушку слов. Если бы мы жили в Японии, то большинство порождений Хаоса мы называли бы не «акума», а «йокай», или даже «ками». Но английский язык слишком беден для описания мистических существ, и нам приходится называть их «демонами», поскольку до «богов» подавляющее большинство из них явно не дотягивает, а многие — и не стремятся дотянуть...

/*Прим. автора: Брайан Крэйг «Пешки Хаоса»*/

/*Прим. автора: «К'Сал — богатая и процветающая планета, которая показалась бы знакомой обитателю цивилизованного мира Имперiums. Отчетливые очертания стеклянных башен городов возвышаются над равнинами, покрытыми хорошо организованным земледельческим хозяйством, воздух кишит движущимися летучими машинами. В космосе постоянно действует сеть причалов и верфей, там можно наблюдать многообразие пришвартованных кораблей с обтекаемыми корпусами» Кодекс «Черный крестовый поход»*/

— Все равно они — мерзкие нелюди! — взвился Дароу, вызвав у Дамблдора легкую улыбку, которую, впрочем, заметили разве что члены моего Внутреннего круга и Джинни — прирожденный эмпат. — Их следует уничтожить, или, по крайней мере — возвращать в варп там, где увидишь, если ты можешь это сделать, либо — бежать, если ты недостаточно силен. Ибо как бы умен и хитер не был человек, ему не под силу добиться того, чтобы эти чуждые всему живому создания приносили хоть какую-то пользу. И даже если в их действиях будет какое-то добро, общий баланс все равно окажется на стороне Зла!

— «Мерзкие нелюди»? — заинтересовался я, убедившись, что продолжения горячей речи не воспоследует. — Означают ли эти Ваши слова, что в ближайшем будущем у нас будет практика в Запретном лесу по истреблению кентавров? Или что нам придется искоренять поселение

русалок в Черном озере? И, признаю, даже рискуя вызвать гнев моей прекрасной возлюбленной... — Дароу и так был не слишком доволен моей речью, но на этих словах его просто перекосило, — ...что мысль о том, чтобы принять участие в истреблении вейл, будь то во Франции, или же восточнее — меня совершенно не греет. Равно как и идея уничтожить всех домовиков и остаться без их услуг...

Миа улыбнулась, и демонстративно провела кончиками пальцев по тыльной стороне моей ладони, показывая, что совершенно не расстроена тем, что я не рвусь истреблять вейл. Покрасневший Дароу вдохнул, потом выдохнул... и заорал:

— Мальчишка! Ты не понимаешь... — и замолчал, пытаясь сформулировать, что именно я не понимаю. Как и всегда, вещи наиболее очевидные и «само собой разумеющиеся» оказалось очень трудно даже сформулировать, не говоря уже о том, чтобы их доказать. Не говоря уже о том, что мастер Дароу, судя по его высказываниям, готовился противостоять таким, как я, мечом, но отнюдь не словом, и в риторике был примечательно слаб. Что и обрекало его на роль пушечного мяса и раздражителя для Дамблдора. Раздражителя, который используют и с неизбежностью — выкинут.

— Прошу прощения, — произнес я, наклоня идеально прямую спину под сорок пять градусов от вертикали, — я — младший и глупый, и я действительно не понимаю глубокой мудрости, скрытой в словах уважаемого семпая*, я потому — прошу разъяснить мне ее.

Дароу подавился очередным вдохом, а Дамблдор выглядел как кот, добравшийся до стратегических запасов сметаны.

Поняв, что хватающий ртом воздух Дароу не способен к продолжению дискуссии, директор жестом успокоил начавших перешептываться школьников.

— Очевидно, что уважаемый коллега не ожидал столь глубоко философской дискуссии прямо перед завтраком, и в настоящее время не готов поддерживать ее на должном уровне, — произнес он, вызвав у Дароу очередной приступ злости. — Думаю, нам следует дать ему время прийти в себя после долгой и трудной дороги. А пока что я должен сообщить, что именно профессор Дароу примет на себя курирование межфакультетского сообщества «Рассвет», которое я объявляю действующим в школе с этого дня.

Дамблдор сел на свое место и приступил к завтраку. Учителя и ученики последовали его примеру. Причем, если преподаватели старались завтракать молча, то ученики вполголоса обсуждали наметившееся противостояние, успешно совмещая этот процесс с питанием.

— Гарри, — в полголоса спросил у меня сидевший неподалеку Невилл, — а почему ты просил прощения у этого нового профессора?

Я улыбнулся.

— Просто форма вежливости. Раз уж я прибегаю к поклону, то мне показалось правильным использовать и прочие ритуалы, характерные для народа, у которого я позаимствовал ритуал. В Японии считается правильным извиняться всякий раз, когда твои интересы входят в противоречия с интересами другого человека. Даже в таком варианте, как фраза «Прошу меня простить, но сейчас я буду Вас пытаться».